„Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры. Сочиненіе А. Гезена. С.-Петербургъ, 1884."

Рецензія профессора Московской Духовной Академіи Г. А. Воскресенскаго.

Г. Гезенъ поставилъ себѣ задачею въ названномъ сочиненіи возстановить, насколько возможно, по имѣющимся даннымъ, первоначальный текстъ славянскаго перевода разныхъ символовъ вѣры и затѣмъ указать послѣдовавшія въ этомъ текстѣ съ теченіемъ времени измѣненія.

Изслѣдованію текста символовъ вѣры авторъ предпосылаетъ краткій очеркъ исторіи перевода ихъ на славянскій языкъ. Символъ вѣры всегда и вездѣ является первымъ и необходимымъ пособіемъ для распространенія христіанства среди какого либо народа, потому что въ немъ содержится изложеніе основныхъ истинъ или догматовъ вѣроученія. Познаніе и исповѣданіе этихъ догматовъ должно предшествовать принятію новопросвѣщаемыхъ въ лоно церкви посредствомъ таинства крещенія, и посему отъ каждаго приступающаго къ сему таинству (или при крещеніи младенца — отъ его воспріемника) требуется произнесеніе символа вѣры, который для этой цѣли долженъ быть переведенъ на общепонятный народный языкъ вмѣстѣ съ необходимѣйшими молитвами прежде всякой другой статьи христіанской письменности. — Принимая во вниманіе безусловную необходимость общепонятнаго символа вѣры, а съ другой стороны исторически доказанныя частныя обращенія южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ VII вѣка, авторъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что славянскій переводъ символа былъ сдѣланъ еще до св. Кирилла и Меѳодія, хотя окончательную редакцію переводъ этотъ могъ получить лишь послѣ изобрѣтенія

славянской азбуки, когда св. первоучители приступили къ своей апостольской дѣятельности. — Такъ какъ въ IX столѣтіи въ Восточной церкви при совершеніи таинствъ былъ уже во всеобщемъ употребленіи символъ 2-го вселенскаго Константинопольскаго собора, то — говоритъ авторъ — очевидно, что именно этотъ символъ былъ переведенъ первоначально св. Кирилломъ; что же касается никейскаго символа, то онъ, какъ менѣе необходимый, могъ быть переведенъ нѣсколько позже св. Меѳодіемъ вмѣстѣ съ номоканономъ. Кромѣ этихъ двухъ символовъ, можетъ быть извлеченъ еще апостольскій символъ іерусалимской церкви изъ древне-славянскаго перевода Оглашеній или Огласительныхъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ апостольскаго символа іерусалимской церкви, за тѣмъ переходитъ къ символу никейскому и наконецъ къ константинопольскому; въ заключеніе же представляетъ опытъ исторіи перевода тѣхъ отдѣльныхъ греческихъ словъ, которыя оставались непереведенными въ первоначальной редакціи славянскихъ символовъ. (Въ приложеніяхъ напечатаны: а) никейскій символъ изъ Устюжской Кормчей Румянцевскаго Музея № 230, б) Истолкованіе святаго изображенія вѣры изъ Загребской Кормчей 1262 г. и в) Епифанія Славинецкаго переводъ константинопольскаго символа вѣры съ его же грамматическими объясненіями. Изъ приложенныхъ четырехъ свѣтопечатныхъ снимковъ первый снимокъ — съ константинопольскаго символа вѣры Румянцевской Кормчей № 230. Остальные три снимка, равно какъ помѣщенныя на стр. 105—117 критико-палеографическія замѣтки: 1) О нѣкоторыхъ замѣчательныхъ спискахъ евангелія (приводятся выписки изъ Евангелій С.-Петерб. Публ. Библіотеки собран. А. Ѳ. Гильфердинга №№ 6 и 7, и Румянц. Музея № 111) и 2) О примѣненіи свѣтописи къ палеографіи — прямого отношенія къ главному предмету изслѣдованія не имѣютъ. Подъ № 2 помѣщенъ снимокъ съ греческой рукописи XI в. Моск. Синод. библ., содержащей бесѣды св. Григорія Нисскаго; подъ №№ 3 и 4 фототипическій и хромолитографическій снимки съ миніатюрнаго изображенія св. Григорія Двоеслова, — писаннаго по золоту въ греческой четьи-минеи XI в. той же Моск. Синод. библіотеки. Всѣ вообще снимки исполнены превосходно. Фототипіи сдѣланы въ заведеніи извѣстныхъ московскихъ фотографовъ Шиндлера и Мея (фирма Шереръ и Набгольцъ), а хромолитографія въ картографическомъ заведеніи Ильина, въ С.-Петербургѣ).

Существовалъ ли славянскій переводъ символа вѣры до св. Кирилла и Меѳодія? Опредѣлительно отвѣтить на этотъ вопросъ, конечно, трудно, по недостатку фактическихъ данныхъ, но вся вѣроятность на сторонѣ предположенія автора. Впрочемъ, какъ бы то ни было, славянскій переводъ константинопольскаго символа, по всей справедливости, долженъ быть усвояемъ св. Кириллу и Меѳодію. Меѳодію же принадлежитъ первоначальный славянскій переводъ никейскаго символа. Принадлежность перевода этихъ символовъ вѣры св. Первоучителямъ подверждается и тождествомъ языка ихъ по древнѣйшей редакціи — съ языкомъ древнѣйшаго славянскаго перевода Евангелія, Апостола, Псалтыри. (Но объ этомъ скажемъ ниже).

Свое изслѣдованіе текста символовъ вѣры авторъ начинаетъ съ апостольскаго символа іерусалимской церкви. Послѣдуемъ и мы за авторомъ.

Текстъ символа іерусалимской церкви сохранился въ Огласительныхъ Поученіяхъ св. Кирилла Іерусалимскаго, «переведенныхъ — говоритъ авторъ — на славянскій языкъ вѣроятно не позже X или XI вѣка» (стр. 3). Мы съ своей стороны отнесли бы переводъ Поученій св. Кирилла Іерусалимскаго къ первой половинѣ X вѣка, къ эпохѣ разцвѣта славянской письменности у Болгаръ при Симеонѣ. — Отъ XI вѣка сохранились знаменитые Хиландарскіе листки, но въ нихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего, относящагося къ символу. Посему для извлеченія этого текста авторъ прибѣгаетъ къ другимъ болѣе позднимъ спискамъ русской редакціи, изъ коихъ два древнѣйшіе относятся къ XII—XIII в. (Моск. Синод. библіотека № 478—114 и С.-Петерб. Публ. библ. № 39). Въ основу положенъ Синод. списокъ. Для сличенія, кромѣ того, привлечены еще четыре списка (Моск. Синод. библ. № 782—115, XVI в., два списка С.-Петерб. Публ. библ. XV и XVII вв. и Румянц. Музея № 194, XVI в.). Авторъ не даетъ мѣста филологическому описанію этихъ, равно и другихъ рукописей, содержащихъ тотъ или иной символъ, съ коими ему приходилось имѣть дѣло. Но хотябы краткія филологическія замѣтки о правописаніи рукописей были бы здѣсь, кажется, кстати и придали бы труду автора еще большую цѣнность.

Такъ какъ іерусалимскій символъ сохранился частію въ надписяхъ надъ поученіями св. Кирилла, частію въ самомъ текстѣ этихъ поученій, частію же въ тѣхъ и въ другомъ, причемъ иногда отдѣльныя слова въ разныхъ мѣстахъ читаются различно, то необходимо было установить руководительныя начала для выдѣленія чтенія древнѣйшаго и лучшаго. Авторъ вообще отдаетъ предпочтеніе

тексту (толкованію) передъ надписями, въ виду того, что надписи легче могли измѣняться переписчиками; за тѣмъ принимаетъ во вниманіе относительную древность каждаго выраженія въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, и болѣе всего — близость славянскаго перевода къ греческому подлиннику. Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Съ рукописями толкованій на библейскія книги, правда, случается иногда и обратное, то есть — текстъ библейскій бываетъ иногда гораздо старше толкованій, именно когда переводчики толкованій брали текстъ уже готовый, раньше переведенный. (Таковъ напр. случай съ текстомъ первыхъ пяти посланій Ап. Павла въ рукописи толковаго Апостола 1220 г. Москов. Синод. библ., о чемъ въ нашемъ изслѣдованіи объ Апостолѣ, М. 1879, стр. 70—93). Но это не можетъ имѣть отношенія къ іерусалимскому символу вѣры, переведенному, по всей вѣроятности, одновременно съ огласительными поученіями св. Кирилла іерусалимскаго. Мы бы позволили себѣ особенно рекомендовать какъ критическій пріемъ, необходимый для возстановленія чтенія древняго перевода изъ разнообразія отдѣльныхъ чтеній — самое тщательное сличеніе всѣхъ сохранившихся списковъ между собою. Сличеніе это необходимо прежде всего для опредѣленія взаимнаго отношенія и относительнаго значенія самихъ списковъ. Оно укажетъ списки, содержащіе одинъ и тотъ-же — въ основѣ — древній текстъ. Мѣста, читающіяся во всѣхъ такихъ спискахъ совершенно одинаково, съ вѣроятностію могутъ быть относимы къ переводу первоначальному. Пріемъ этотъ имѣетъ приложеніе, какъ увидимъ, уже къ первому слову іерусалимскаго символа. Предварительно скажемъ только по поводу орфографіи, принятой авторомъ при изложеніи этого символа.

«Символъ іерусалимской церкви, подобно константинопольскому, можно раздѣлить на 12 члéновъ, къ изложенію коихъ мы теперь и приступимъ, при чемъ будемъ придерживаться на сколько возможно орфографіи и грамматики Хиландарскихъ листковъ и другихъ схожихъ съ ними древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ, какъ наиболѣе близкихъ къ подлинной орфографіи самого переводчика. Сокращенія подъ титлами мы сохраняемъ въ томъ видѣ, какъ они встрѣчаются наичаще въ тѣхъ же древнѣйшихъ памятникахъ» (стр. 5). Совершенно согласны, что Хиландарскіе листки ближе къ подлинной орфографіи переводчика, чѣмъ списки русскіе, хотя и не согласны съ Григоровичемъ, будто они «и непосредственно писаны на мѣстѣ перевода». Вмѣстѣ съ Востоковымъ, Срезневскимъ и другими славистами переводъ огласительныхъ поученій

св. Кирилла іерусалимскаго мы относимъ ко временамъ Іоанна экзарха болгарскаго, т. е. по крайней мѣрѣ на столѣтіе раньше написанія листковъ Хиландарскихъ. Но главное — то, что правописаніе въ Хиландарскихъ листкахъ, какъ и въ другихъ подобныхъ юсовыхъ памятникахъ неустойчиво, непослѣдовательно, что подробно указано И. И. Срезневскимъ. Авторъ и не всегда выдерживаетъ правописаніе Хиландарскихъ листковъ. Такъ, въ 9 чл. читаемъ у него: крьштениѥ (стр. 12). Въ Хиландарскихъ отрывкахъ встрѣчается это слово, но въ такой формѣ: кръщение (Срезневскій, Пам. юс. письма, стр. 187). Если возстановленіе орфографіи Хиландарскихъ листковъ имѣетъ еще для себя нѣкоторое основаніе въ отношеніи къ іерусалимскому символу, то совершенно не понимаемъ причины, почему авторъ той же орфографіи держится при изложеніи символовъ никейскаго и константинопольскаго? По отношенію къ послѣднему, самъ авторъ, впрочемъ, чувствовалъ неловкость: «орфографіи — говоритъ онъ — будемъ придерживаться той же что и доселѣ, хотя собственно, во вниманіе къ глубокой древности первоначальнаго перевода константинопольскаго символа, было бы, быть можетъ, основательнѣе ввести нѣкоторыя измѣненія, какъ то: при склоненіи сложныхъ прилагательныхъ оставить мѣстоименное окончаніе безъ уподобленія, напр. свѧтаѥго вм. свѧтааго и т. д.» (стр. 31, подстрочн. примѣчаніе).

По Синодальному списку XII в. въ надписи 6-го поученія греч. εἰς τὸ, πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν передано такъ: *въ вѣроу* въ ѥдинаго б҃а. Авторъ замѣчаетъ: «очевидно, что εἰς τὸ πιστεύω переводчикомъ было передано: *въ вѣроуѭ* съ опущеніемъ греческаго члена и безъ замѣны его другимъ объяснительнымъ выраженіемъ, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ русскомъ переводѣ изданномъ по назначенію Св. Синода, гдѣ сказано: «на слова: вѣроую и т. д.» Отсюда легко объясняется недоразумѣніе переписчика побудившее его написать *вѣроу* вмѣсто вѣроуѭ или вѣроую, какъ будто въ греческомъ стояло: εἰς πίστιν (стр. 6). Хотѣли бы мы вѣрить автору, но пока не найдено ни одного списка съ чтеніемъ *въ вѣроуѭ*, мы предпочитаемъ остаться при чтеніи Синодальнаго списка XII в. [1]), подкрѣпляемомъ и другими списками — Синод. № 115 и Пет. № 2 (въ Пет. № 1 это слово пропущено, чтеніе же Пет. № 3 списка у автора не показано). Греч. оборотъ εἰς τὸ встрѣчается въ надпи-

[1]) Хотя, конечно, это — очевидная неправильность перевода.

сяхъ и слѣдующихъ поученій и вездѣ предлогъ εἰς относится прямо къ слѣдующему существительному. Такъ, εἰς τὸ, πατέρα передано въ Синод. спискѣ XII в. въ оца; εἰς τὸ, παντοκράτορα — въ вседръжители; εἰς τὸ, ποιητὴν οὐρανοῦ — въ творьца нбоу; εἰς τὸ, καὶ εἰς ἕνα κύριον — въ юдиного га (съ опущ. греч. καὶ); εἰς τὸ, τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ — въ спа бжиꙗ... Мы догадываемся, что и греч. членъ τὸ (послѣ предлога εἰς) не пропадалъ безслѣдно въ славянскомъ переводѣ нашего памятника, но относился непосредственно къ слѣдующему слову— причастію или прилагательному. Г. Гезенъ обратилъ вниманіе на неправильное употребленіе прономинальной формы причастія въ 3-мъ членѣ символа (тоже въ 4, 5 и 7 членахъ): въплъщьшаагосѧ, распатааго, въскрьсьшааго, градоущааго, — хотя соотвѣтствующія греческія причастія не имѣютъ передъ собою члена. Оказывается, что прономинальная форма причастія въ славянскомъ переводѣ имѣетъ мѣсто именно тамъ, гдѣ въ греч. передъ причастіемъ стоитъ εἰς τὸ, такъ: εἰς τὸ, σαρκωθέντα; εἰς τὸ, σταυρωθέντα; εἰς τὸ, καὶ ἀναστάντα; εἰς τὸ, καὶ ἐρχόμενον. Такъ же, можетъ быть, объясняется сложная форма прилагательнаго въ 8-мъ чл.: и въ юдинъ стыи дхъ (въ греч. εἰς τὸ, καὶ εἰς ἓν ἅγιον πνεῦμα), хотя, впрочемъ, и помимо этого, употребленіе сложной формы въ данномъ случаѣ у автора достаточно обосновано. А гдѣ передъ причастіемъ непосредственно нѣтъ εἰς τὸ, тамъ въ переводѣ употреблена простая или краткая форма; такъ, въ 6-мъ членѣ: и възшьдъша на нбса καὶ ἀνελθόντα εἰς τοὺς οὐρανούς, — текстъ этотъ прописанъ въ надписи 14-го поученія вмѣстѣ съ 5-мъ членомъ, передъ началомъ коего и стоитъ въ греч. εἰς τὸ). Въ древнемъ переводѣ Апостола греч. неопредѣленное съ εἰς τὸ передается просто неопредѣленнымъ: εἰς τὸ εἶναι δίκαιον — быти юмоу правьдьноу, εἰς τὸ παραζηλῶσαι αὐτούς — раздражити ꙗ и т. д. (см. въ нашемъ изслѣдованіи объ Апостолѣ, стр. 218), но это было возможно тамъ безъ ущерба ясности смысла и свидѣтельствовало о глубокомъ знаніи переводчикомъ требованій языка славянскаго и о свободѣ перевода. Послѣдующіе исправители апостольскаго текста греч. εἰς τὸ передавали посредствомъ ꙗкоже, ꙗко, во еже. Переводчикъ Огласительныхъ поученій св. Кирилла іерусалимскаго, очевидно, не умѣлъ правильно передать греческій оборотъ εἰς τὸ и опустить его не смѣлъ, и — конечно это только наша гипотеза — въ своемъ переложеніи сочинялъ εἰς τὸ съ непосредственно слѣдующимъ словомъ, что и было довольно удобно, когда слѣдующимъ словомъ оказывалось имя существительное или причастіе. По аналогіи же съ этими

случаями, преобладающими количественно, переводчикъ, можетъ быть, не особенно искусный, думаемъ, рѣшилъ передать и греч. εἰς τὸ, πιστεύω посредствомъ существительнаго съ предлогомъ *въ*: въ вѣроу. Позднѣйшій переводчикъ Огласительныхъ поученій св. Кирилла іерусалимскаго монахъ Евѳимій, ученикъ Епифанія Славинецкаго, передаетъ это мѣсто такъ: и҆ во̀ е҆́же, вѣ́рꙋю во̀ е҆ди́наго бга (рукопись Моск. Синод. библіотеки № 133—116, XVII в. Εἰς τὸ передается здѣсь обычно чрезъ во еже, иногда *на еже*, разъ посредствомъ *во*: во̀ (εἰς τὸ) творца нбсе и земли, л. 51).

Относительно 9-го члена не лишне замѣтить, что въ Синод. спискѣ XII в. не читается въ началѣ союзъ *и*, согласно съ нѣкоторыми греческими списками, о чемъ у Туттѐ, стр. 295 въ варіантахъ. «Слово σάρξ — говоритъ авторъ — имѣетъ здѣсь (въ 11-мъ членѣ) вполнѣ опредѣленный смыслъ, означая, какъ во многихъ мѣстахъ Новаго Завѣта, все человѣчество» (стр. 14). Не мѣшало бы автору указать мѣста Новаго Завѣта, предлагающія такое толкованіе греческаго слова σάρξ. Въ Clavis Novi Testamenti Chr. G. Willkii (Lipsiae, 1868) указаны четыре значенія этого слова въ Новомъ Завѣтѣ, но въ числѣ ихъ нѣтъ предлагаемаго авторомъ.

Изученіе списковъ символовъ никейскаго и константинопольскаго позволило автору усмотрѣть въ каждомъ изъ нихъ по три особыхъ редакціи текста. По отношенію къ тексту іерусалимскаго символа не усматривается такого разнообразія. Произошло это, вѣроятно, отъ того, что символъ этотъ отдѣльнаго распространенія у славянъ не имѣлъ, а Огласительныя поученія св. Кирилла іерусалимскаго переписывались не особенно часто и посему менѣе подвергались измѣненіямъ со стороны исправителей и переписчиковъ. Впрочемъ и наличное количество списковъ поученій св. Кирилла, повидимому позволяетъ видѣть, по крайней мѣрѣ, двѣ — правда, не вполнѣ выдержанныя — редакціи текста іерусалимскаго символа, изъ коихъ первая заключается—хотя не довольно послѣдовательно—въ спискѣ С.-Петерб. Публ. библіотеки XIII в., а вторая въ Синод. спискѣ XII в. и въ прочихъ болѣе позднихъ спискахъ. Вотъ, по нашему, признаки этихъ редакцій.

1) Мы не знаемъ, какъ бы было передано въ Петербургскомъ спискѣ первое слово символа, если бы не былъ утраченъ соотвѣтствующій листъ; въ Синод. XII в. читаемъ: въ вѣроу.

2) Во 2-мъ чл. Петерб. списокъ въ текстѣ два раза читаетъ: иночадаго; въ Синод. и въ надписи 11-го поученія и въ текстѣ л. 99 и 101: единочадааго (такъ, впрочемъ, въ надписи и въ Пе-

терб. спискѣ; съ другой стороны иночадыи встрѣчается въ другихъ мѣстахъ и въ Синод. рукописи, напр. на л. 174 об.; въ Син. 2 (№ 782—115, XVI в.), л. 119 об. единороднаго, но въ слѣдъ за тѣмъ єдиночаднa, единоча).

3) Въ 4-мъ чл. Петерб. пропятаго, Синод. распятаагo.

4) Въ 6-мъ чл. Петерб. въ текстѣ: сѣдша (καθίσαντα), Синод. XII в. въ надписи и текстѣ: сѣдяща, — можетъ быть, подъ вліяніемъ обиходнаго текста константинопольскаго символа, въ коемъ именно читается: сѣдяща, согласно съ греческимъ καθεζόμενον (какъ замѣчено и у автора). Надобно впрочемъ замѣтить, что форма сѣдяща читается въ *надписи* и Петерб. списка.

5) Въ 8-мъ чл. и Синод. и Петерб. въ *надписи* представляютъ значительныя измѣненія первоначальнаго перевода, который во всей чистотѣ сохранился въ *текстѣ* Синод. л. 216 об. и Пет. 2 (въ Пет. 1, XIII в. этого мѣста нѣтъ). Такъ, въ надписи Синод. списка XII в. чит. и въ єдинъ стыи дхъ оутѣшивы [1]), еже гла [2]) пррки Другое болѣе древнее чтеніе: въ єдинъ стыи дхъ параклить. иже гла въ пророцѣхъ [3]).

6) Въ 10-мъ чл. греч. καθολικὴν ἐκκλησίαν въ надписи и разъ въ текстѣ Син. 1 и 2 переведено словами: сьборьноую црквь, но за тѣмъ четыре раза καθολική не переведено (два раза *каѳоличьскаꙗ* и два раза *каѳоликиꙗ*). Въ Пет. сп. XIII в. этого мѣста нѣтъ,— по крайней мѣрѣ не указано у г. Гезена; въ Пет. 2, XV в. καθολική оставлено безъ перевода только два раза, а въ Пет. 3, XVII в. во всѣхъ случаяхъ переводится словомъ: соборнаꙗ. Здѣсь—скажемъ

---

[1]) Не читалось ли τὸ παράκλητον, каковое чтеніе указано у Туттэ въ варіантахъ? — Кстати: оутѣшивы прилагательное ли (какъ у автора на стр. 11)? Если же это причастіе, то не совсѣмъ точно показаніе автора, будто этого слова нѣтъ въ словарѣ Миклошича. Оно подразумѣвается подъ глаголомъ оутѣшити: у Миклошича приводится и причастная форма — оутѣшивь се. — Въ Пет. оутѣшникъ (это же слово нерѣдко употребляется и въ Син. XII в. (Гор. и Невостр. II: 2, 57).

[2]) Рабски переведено τὸ λαλῆσαν въ среднемъ родѣ по отношенію къ слову πνεῦμα. Въ Син. 2 еже глша пррки.

[3]) Въ текстѣ 8-го чл. по изданію г. Гезена замѣчены нами нѣкоторыя неточности сравнительно съ оригиналомъ, которыя и исправляемъ ниже, вмѣстѣ съ другими опечатками.

словами автора — можно воочію прослѣдить постепенное вліяніе писцовъ на измѣненіе текста рукописей (стр. 14).

Текстъ основной рукописи Синод. библ. XII в. № 478—114 передается въ сочиненіи г. Гезена вообще съ дипломатическою точностію. Но при печатаніи вкрались всетаки нѣкоторыя неточности, которыя и исправляемъ здѣсь.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Въ рукописи читается:
7	12 сн.	вьсѣхъ	вьсѣхь
—	11 сн.	все	вьсе
8	10 и 9 сн.	въ въскрьсшаагo	въскрѣсшаагo
9	7 сн.	дхъ	дхь
—	6 сн.	пррки	пррки
12	3 св.	цркы	цркы
—	5 св.	дхъ	дхь
—	— св.	глагола въ пророцѣхъ	гла въ пророцѣхь
—	14 сн.	грѣховъ	грѣховь
13	3 св.	поученихъ	пооученихъ
—	9 св.	нарицаıетсꙗ	нарицаıетьсꙗ
—	10 св.	до коньцꙗ	до коньца
—	17 св.	въ	вь
—	—	онѣхъ	онѣхь
14	16 св.	въстаниıе	вьстаниıе.

Въ заключеніе разбора изслѣдованія г. Гезена о текстѣ іерусалимскаго символа и какъ бы въ дополненіе позволимъ себѣ привести этотъ символъ въ новомъ славянскомъ переводѣ монаха Евѳимія, ученика Епифанія Славинецкаго по рукописи Синод. Моск. библ. № 133—116, XVII в. (о ней у Гор. и Невостр. II: 2, 63—68). Рукопись эта ни разу не упоминается авторомъ и повидимому ему неизвѣстна. Монаха Евѳимія переводъ іерусалимскаго символа можно сравнить съ трудомъ Епифанія Славинецкаго — переводомъ символа константинопольскаго (напечатанъ въ изслѣдованіи г. Гезена на стран. 125—128). Въ томъ и другомъ переводѣ читаемъ: ѹкрествова́ннагo (σταυρωθέντα), его же цр҇тва не бѹдетъ конецъ (οὐκ ἔσται τέλος). Но вотъ самый символъ въ переводѣ Евѳимія:

Вѣ́рѹю во є҆ди́нагo бг҇а ѿц҇а вседержи́телѧ творца̀ нб҇сѐ и҆ земли̂, видимыхъ же всѣ́хъ и҆ невı́димыхъ творца̀ [1]). И҆ во є҆ди́нагo гд҇а

---

[1]) Такъ въ надписяхъ 6-го, 7-го, 8-го и 9-го поученій. Въ текстѣ же (Огл. 9-е, л. 52) первый членъ читается такъ: Вѣ́рѹемъ во є҆ди́нагo

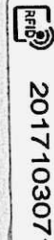
і҃иса х҃а с҃па б҃жего є҆диноро́днаго, и҆з ѿца̀ рожде́ннагѡ пре́жде всѣхъ вѣкѡ́въ б҃га и҆стиннаго, чрез є҆го́же вс̑а бы́ша. Воплоти́вшагосѧ, и҆ вочл҃чивша гѡсѧ. ѹ҆крествова́ннаго и҆ погребе́ннаго. И҆ воста́вшаго и҆з ме́ртвыхъ тре́тегѡ днѐ. И҆ возше́дшаго на̀ н҃бса̀, и҆ сѣдѧ́щаго и҆з десныхъ ѿца̀. И҆ грѧдꙋщаго (въ славѣ опущ.) сꙋди́ти живы́ѧ и҆ ме́ртвыѧ. [є҆́го же ц҃ртва нѐ бꙋдетъ конецъ]. И҆ во̀ є҆ди́наго с҃та́го д҃ха пара́клита, г҃лавшаго чрез п҃ррки. Во̀ є҆ди́но кр҃щенїе покая́нїѧ во̀ ѡ҆ставле́нїе грѣхѡ́въ. И҆ во̀ є҆ди́нꙋ с҃тꙋю каѳолі́ческꙋю ц҃рковь [1]). И҆ пло́ти воста́нїе [2]). И҆ в' жі́знь вѣчнꙋю.

Отъ іерусалимскаго символа г. Гезенъ переходитъ къ никейскому. Славянскій переводъ этого символа, содержащаго, какъ извѣстно, только восемь членовъ и анаѳематство аріанской ереси, представляется — по славянскимъ спискамъ — въ трехъ редакціяхъ. Первая или древнѣйшая находится въ т. н. Устюжской Кормчей XIII в. содержащей древнѣйшій номоканонъ — въ 50 титлахъ — Іоанна Схоластика (Румянц. Музея № 230). Другой болѣе поздній списокъ принадлежитъ библіотекѣ Московской Духовной Академіи. Указавъ важное значеніе Устюжской Кормчей, авторъ приступаетъ къ изслѣдованію текста символа, при чемъ при каждомъ членѣ прописываетъ сначала а) греческій текстъ и именно тѣ варіакты онаго, которые ближе другихъ подходятъ къ славянскому переводу, за тѣмъ б) текстъ древнѣйшаго пергаменнаго Румянцевскаго списка, а рядомъ съ нимъ в) текстъ бумажнаго списка Московской Духов. Академіи. По сличеніи всѣхъ этихъ данныхъ и по исправленіи ошибокъ въ переводѣ, авторъ при каждомъ членѣ предлагаетъ г) наиболѣе вѣроятный текстъ первоначальнаго древнеславянскаго знреложенія, а въ концѣ изслѣдованія вновь подъ рядъ прописываетъ весь предполагаемый первоначальный переводъ никейскаго символа. «Внимательное разсмотрѣніе сего перевода — говоритъ авторъ — вполнѣ подтверждаетъ глубокую его древность» (стр. 23). Указываются отличительные черты этой первой редакціи. Между прочимъ отмѣчается «слово *образъливъ* — τρεπτός — не вошедшее въ

б҃га (ѡца опущ.) вседержи́телѧ, творца̀ н҃бсе и҆ землѝ, видимыхъ (же всѣхъ оп.) и неви́димыхъ.

[1]) Такъ въ надписи 18-го Оглашенія. Въ текстѣ, л. 128 об. с҃тꙋю заключено въ скобки.

[2]) Въ текстѣ: и҆ во̀ плоти воста́нїе.

словарь Миклошича, въ послѣдствіи уступившее мѣсто слову: *прѣложьнъ*» (стр. 24). Не лишне здѣсь замѣтить, что слово *образъливъи* имѣется въ словарѣ Востокова (Спб. 1861), гдѣ высказана также догадка: «не описка ли вм. *обратъмива*».? Миклошичъ, много взявшій у Востокова для 2-го изданія своего словаря, внесъ въ него прямо форму *обратьливъ*, но здѣсь же отмѣтилъ и испорченную форму *образъливъ* съ ссылкою именно на Кормчую XIII в., такъ что слово это вошло изъ Востоковскаго словаря и въ Миклошичевъ.—Вторая редакція никейскаго символа находится въ т. н. Ефремовской Кормчей XII вѣка (Моск. Синод. библіотеки № 227), содержащей позднѣйшій номоканонъ — въ 14 титлахъ патр. Фотія. Въ Ефремовской Кормчей никейскій символъ помѣщенъ на л. 169 об. вслѣдъ за 134-мъ правиломъ Кароагенскаго собора. Г. Гезенъ приводитъ вполнѣ текстъ этого символа по Синодальному списку, а подъ строкою указываетъ разночтеніе изъ списковъ Загребскаго 1262 г., Рязанскаго 1284 г. и Румянцевскаго Музея № 232, а также изъ печатной Кормчей, въ коей символъ этотъ помѣщенъ послѣ 137-го правила Кароагенскаго Собора. Никейскій символъ въ переводѣ 2-й редакціи вошедшій въ составъ первопечатной Кормчей книги 1650 г. перепечатывался безъ измѣненій и въ послѣдующихъ изданіяхъ до 1839 года. Указываются особенности этой 2-й редакціи, доказывающія позднѣйшее ея происхожденіе. Къ сказанному у автора можно прибавить, что первое слово символа: вѣроуѥмъ читается здѣсь ближе къ греческому подлиннику (πιστεύομεν), тогда какъ списки 1-й редакціи имѣютъ: вѣрою. — Третья редакція никейскаго символа находится въ изданномъ 1839 г. Св. Синодомъ въ замѣнъ Кормчей книги новомъ переводѣ церковныхъ каноновъ подъ заглавіемъ: «Книга правилъ св. Апостолъ, св. Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. Отецъ, на первоначальномъ еллинскомъ нарѣчіи и въ преложеніи Славенороссійскомъ». Никейскій символъ помѣщенъ здѣсь передъ правилами, впереди другихъ символовъ и вѣроопредѣленій. Въ книгѣ г. Гезена указаны разности новаго перевода, изъ коихъ нѣкоторыя зависѣли отъ иной редакціи греческаго текста, и въ заключеніе напечатанъ текстъ «славенороссійскій» изъ Книги правилъ, а параллельно съ нимъ русскій текстъ изъ Дѣяній вселенскихъ Соборовъ, изданныхъ въ русскомъ переводѣ при Казанской Духовной Академіи. — Весьма важно отмѣтить, что тремъ редакціямъ славянскаго перевода никейскаго символа соотвѣтствуютъ такія же три редакціи славянскаго перевода библейскихъ книгъ Новаго Завѣта: Евангелія, Апостола и Псалтыри.

Но о семъ скажемъ ниже, послѣ разсмотрѣнія различныхъ редакцій символа константинопольскаго.

Переводъ символа константинопольскаго въ теченіе вѣковъ подвергался — говоритъ авторъ — гораздо большимъ измѣненіямъ нежели переводъ никейскаго. Онъ представляется изслѣдователю въ трехъ главныхъ редакціяхъ, изъ коихъ каждая подвергалась еще различнымъ частнымъ измѣненіямъ, пока при патріархѣ Никонѣ не установилась послѣдняя редакція, помѣщенная въ славянскомъ переводѣ Скрижали и утвержденная соборомъ 1656 года (стр. 31). Первая или древнѣйшая редакція этого символа, хотя и въ попорченомъ видѣ, сохранилась въ той же Устюжской Кормчей XIII в. изъ которой г. Гезенъ извлекъ древнѣйшую редакцію символа никейскаго; тотъ же переводъ сохранился въ рукописи Московской Духовной Академіи, — о которой выше была рѣчь. Авторъ, видимо, не жалѣлъ трудовъ на поиски болѣе древнихъ списковъ этого символа въ разныхъ богослужебныхъ книгахъ, но поиски его не увѣнчались успѣхомъ: древнихъ списковъ богослужебныхъ книгъ — до монгольскаго періода содержащихъ въ себѣ текстъ этого символа, не оказалось. Излагая древнѣйшій переводъ константинопольскаго символа по Устюжской Кормчей и Кормчей Московской Духовной Академіи, г. Гезенъ также дѣлитъ его на члены и при каждомъ членѣ поступаетъ такъ какъ при изложеніи никейскаго символа, а въ концѣ выписываетъ подъ рядъ предполагаемый текстъ древнеславянскаго перевода константинопольскаго символа 1-й редакціи. Не лишне замѣтить, что во 2-мъ членѣ и Устюжская Кормчая и — Московской Духовной Академіи читаютъ: *ѥдиночадъ*, но г. Гезенъ возстанавливаетъ древнѣйшее выраженіе *иночѧдъ*, по аналогіи съ никейскимъ символомъ; за тѣмъ, въ спискѣ Московской Духовной Академіи въ семъ же членѣ находимъ два чтенія: единосоущенъ ѡмоусїи, а въ Устюжской Кормчей только одно первое. Въ 3-мъ членѣ выраженіе *из* маріѩ (καὶ Μαρίας) — по обстоятельному объясненію г. Гезена — употреблено при первоначальномъ переводѣ подъ вліяніемъ латинскаго текста символа (— de Spiritu Sancto *ex* Maria virgine). Въ 8-мъ членѣ Устюжской Кормчей читается гнь, [1]) такъ и въ спискѣ Московской Духовной Академіи: г҃нь (греч. καὶ εἰ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, τὸ κύριον καὶ τὸ

[1]) Такъ на палеографическомъ снимкѣ, приложенномъ къ 2-му изданію книги барона Розенкампфа. Г. Гезенъ говоритъ, что слово это можно прочесть гнь или гн҃ъ.

ζωοποιόν). Авторъ представилъ достаточныя соображенія въ пользу того, что въ первоначальномъ переводѣ читалось, по всей вѣроятности, не прилагательное притяжательное: господьнь, а существительное: господь. Передачу греческаго прилагательнаго τὸ κύριον существительнымъ господь авторъ объясняетъ опять вліяніемъ латинскаго текста, въ коемъ то прилагательное также передается существительнымъ. Dominum. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: само лат. Dominum самостоятельно ли явилось какъ переводъ греческаго τὸ κύριον или оно предполагаетъ другое греческое чтеніе, κύριον? Послѣднее кажется намъ вѣроятнѣе. Правда, греческій текстъ константинопольскаго символа по извѣстнымъ намъ спискамъ не представляетъ такого чтенія, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы его не было совсѣмъ. Кромѣ того, не оказывали ли въ данномъ случаѣ вліяніе на переводчиковъ другіе греческіе символы, въ коихъ какъ напр. въ древнемъ апостольскомъ символѣ церквей Кипрской и Малоазійскихъ о Св. Духѣ читается: κύριον безъ прибавленія члена? См. Hahn, G. L. Bibliothek der Symbole und Glaubensregeln der alten Kirche. Zweite Ausgabe, Breslau, 1877 Σ. 71.

Вторая редакція константинопольскаго символа сохранилась, по автору, въ двухъ видахъ, различныхъ и по тексту и по письменамъ — глаголицѣ и кириллицѣ. Кирилловская редакція находится въ богослужебныхъ рукописяхъ XIV—XV вв. Московской типографской библіотеки (4 рукописи), С.-Петербургской Публичной (3 рукописи) и въ одной рукописи XIII—XIV в. С.-Петербургской Духовной Академіи (№ 1052). Авторъ привлекъ также къ сравненію заключающуюся въ Загребской, Софійской и Рязанской Кормчихъ XIII в. статью «Истолкованіе святаго изображенія вѣры», гдѣ прописанъ почти весь текстъ символа этой 2-й редакціи, употреблявшейся въ XIII вѣкѣ. На основаніи перечисленныхъ выше списковъ представленъ сводный текстъ 2-й редакціи константинопольскаго символа. Здѣсь же авторъ представляетъ особенности этой редакціи сравнительно съ 1-ою редакціей. Однѣ изъ нихъ составляютъ отличія лишь въ переводѣ, какъ напр. ѥдиночадъіи вм. иночѧдъіи, ѥдиносоущьнъ вм. омооусии, распѧтъ вм. пропѧтъ, по писанию̂мъ вм: по кънигамъ, съборнаꙗ вм. каѳоликиꙗ и т. д. Важнѣйшее измѣненіе въ текстѣ этой 2-й редакціи, указывающее, можетъ быть, на иное греческое чтеніе, представляется въ 7-мъ членѣ: ѥгоже ц҃ртвию *нѣсть* коньца, вм. не бѫдеть коньца. Это измѣненіе, читающееся уже въ «Истолкованіи» XIII в., встрѣчается во всѣхъ спискахъ 2-й и 3-й редакціи до XVI в. и вошло также въ первопечат-

ныя кирилловскіія богослужебныя книги. Г. Гезенъ представилъ съ своей стороны вѣроятныя объясненія относительно того, какимъ образомъ это измѣненіе могло вкрасться въ славянскій переводъ (стр. 48—49). — Глаголическая редакція встрѣчается преимущественно въ миссалѣ или римско-католическомъ служебникѣ. Г. Гезенъ воспроизводитъ текстъ глаголическаго символа въ кирилловской транскрипціи по первопечатному глаголическому служебнику 1483 г., отмѣчая въ разныхъ чтеніяхъ тѣ измѣненія, коимъ былъ подвергнутъ тотъ же символъ въ миссалѣ, изданномъ въ Римѣ Рафаиломъ Левааковичемъ въ 1631 г., а въ концѣ, кромѣ того, указываетъ измѣненія того же символа, произведенныя въ римскомъ изданіи миссала 1741 г. Матвѣемъ Караманомъ. Въ книгѣ г. Гезена глаголическая редакція представляется какъ бы параллельною 2-й кирилловской редакціи. Намъ кажется, что глаголическій текстъ символа слѣдовало бы выдѣлить въ особый разрядъ, такъ какъ онъ имѣетъ свою особенную и длинную исторію. Глаголическій символъ самъ по себѣ представляетъ нѣсколько редакцій, какъ видно отчасти и изъ книги г. Гезена (первопечатный текстъ, исправленія Леваковича и Карамана). Но первая или древнѣйшая редакція глаголическаго миссала восходитъ еще по крайней мѣрѣ къ X—XI в., такъ какъ Хорваты тогда уже приняли обряды римской церкви и должны были соотвѣтственно тому измѣнить свои богослужебныя книги, полученныя отъ св. Кирилла и Меѳодія. Поелику же отъ того времени ни одного глаголическаго миссала не сохранилось, то первоначальный текстъ глаголическаго символа, какимъ онъ былъ въ употребленіи у Хорватовъ начиная съ X—XI в., слѣдуетъ искать въ дошедшихъ до насъ рукописныхъ миссалахъ. Не входя здѣсь въ подробности, замѣтимъ, что для автора въ данномъ случаѣ могъ бы быть полезенъ историко-филологическій очеркъ академика И. В. Ягича, въ Загребскомъ юбилейномъ изданіи; «Tisućnica slovienskih apostolah sv. Cirila i Metoda», 1863, стр. 31—66.

Съ особенною подробностью изслѣдуетъ авторъ третью редакцію константинопольскаго символа. Перечисливъ отличительные признаки этой редакціи по рукописямъ (древнѣйшая, указываемая г. Гезеномъ, относится къ 1397 г. и содержитъ Тактиконъ Никона Черногорца, — хран. въ Петерб. Публ. библіотекѣ) и представивъ удовлетворительныя, какъ намъ кажется, объясненія относительно встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ спискахъ неправильностей, каковы, напр. смѣшеніе падежей (предложнаго съ родительнымъ въ 3-мъ членѣ: насъ ради чловѣцѣхъ или чловѣкохъ, и съ дательнымъ въ 5-мъ членѣ: по писаніихъ) и въ 8-мъ членѣ чтеніе: *истиннаго* или *господа истиннаго* вмѣсто *господа* [1]), авторъ воспроизводитъ нормальный или вѣрный по содержанію текстъ символа 3-й редакціи по первопечатному Краковскому часослову 1491 г., а въ примѣчаніяхъ указываетъ разночтенія изъ Цѣтинской псалтыри 1495 г. Указаны, далѣе, измѣненія этого текста въ позднѣйшихъ изданіяхъ, исчислены самыя изданія и сдѣланы замѣтки о нѣкоторыхъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, каковы, напр. Острожскія и Кіевскія. Наконецъ, отмѣчены особенности окончательной (четвертой по Гезену) редакціи символа, установленной въ 1656 г. въ Скрижали патріарха Никона, и напечатанъ самый текстъ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ изъ катихизиса митрополита Филарета.

Непосредственно за изслѣдованіемъ константинопольскаго символа помѣщены «дополнительныя замѣтки о греческихъ богословскихъ терминахъ, встрѣчающихся въ славянскомъ переводѣ символовъ вѣры» (стр. 68—102). Авторъ задался здѣсь задачею прослѣдить, какими славянскими выраженіями переводчики въ разныя времена старались передавать греческіе богословскіе термины

[1]) «Изъ 25-ти разсмотрѣнныхъ нами рукописей XIV—XVI вѣка содержащихъ въ себѣ символъ 3-й редакціи, въ 15-ти — говоритъ авторъ — мы встрѣтили слово *истиннаго* вмѣсто *Господа.* Но изъ означенныхъ 15 рукописей не болѣе восьми писаны ранѣе XVI вѣка, и этимъ объясняется то обстоятельство что чтеніе: *истиннаго* не вошло (подобно слову *чловѣкохъ*) въ первопечатныя богослужебныя книги, изданныя въ концѣ XV вѣка» (стр. 57). Прибавленіе: *истинна* послѣ слова *Господа* внесено въ печатный текстъ символа впервые въ венеціанскомъ изданіи слѣдованной псалтыри 1519—1520 г. «До конца XVII в. въ богослужебныхъ книгахъ символъ 3-й редакціи встрѣчается почти одинаково часто въ двухъ различныхъ видахъ, а именно 1) въ однихъ изданіяхъ, согласно съ символами 1-й и 2-й редакцій, въ VIII членѣ читается *Господа животворѧщаго*, 2) въ другихъ: *Господа истиннаго и животворѧщаго.* Есть еще 3-й видъ, съ чтеніемъ *истиннаго и животворѧщаго* (безъ *Господа*); но число изданій съ такимъ символомъ крайне ограничено» (стр. 61—62). Древнѣйшее, указываемое г. Гезеномъ, есть Несвижское 1562 г. изданіе протестантскаго катихизиса; тоже чтеніе (3-го вида) встрѣчается въ нѣкоторыхъ изданіяхъ первыхъ нашихъ книгопечатниковъ — діакона Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева Мстиславца (стр. 64).

встрѣчающіеся въ символахъ вѣры. Свѣдѣнія о семъ заимствуются имъ изъ различныхъ списковъ Св. Писанія, богослужебныхъ книгъ и другихъ памятниковъ славянской письменности. Обыкновенно показываются производство и значеніе греческаго термина, употребленіе его и различныя переводныя выраженія. Такимъ образомъ изслѣдованы слѣдующіе греческія слова, оставленныя безъ перевода при первоначальномъ преложеніи символовъ вѣры на славянскій языкъ: параклитъ, оусиꙗ, омооусии, оупостась, каѳоликии. Работа тщательная и цѣнная по множеству справокъ въ различныхъ памятникахъ древне-славянской письменности. Справки приводятся съ дипломатическою точностію, предложенныя объясненія отличаются ясностію и убѣдительностію. Результатъ этого изслѣдованія слѣдующій: греческіе термины παράκλητος, οὐσία, (вмѣстѣ съ симъ разсмотрѣно и греч. φύσις), ὁμοούσιος переведены вполнѣ удовлетворительно (оутѣшитель, соущьство, ѥстьство, ѥдиносоущьнъ); попытки же перевести два остальныя слова — ὑπόστασις и καθολικός — оказались неудачными.

Мы упоминали уже о тождествѣ языка древнѣйшей славянской редакціи символовъ вѣры съ одной стороны, и евангелія, апостола и псалтыри съ другой. Такую же параллельность можно прослѣдить и между послѣдующими редакціями тѣхъ и другихъ памятниковъ. Такъ напр. Ефремовская Кормчая 1227 г. содержащая никейскій символъ 2-й редакціи, всѣ греческіе термины, оставленные въ 1-й редакціи безъ перевода, замѣняетъ славянскими выраженіями. Но тоже видимъ въ древнихъ спискахъ евангелія, апостола и псалтыри — второй по нашему или древнерусской редакціи. И здѣсь греческія слова, прежде остававшіяся не переведенными, передаются обыкновенно славянскими выраженіями (а о тожествѣ языка въ славянскомъ переводѣ псалтыри съ языкомъ перевода евангелія см. новѣйшее изслѣдованіе академика И. В. Ягича въ приложеніи къ отчету о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 г. въ Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и словесности Импер. Академіи Наукъ Т. 33, 1884, стр. 40—73). Встрѣчающіяся въ символахъ вѣры слова: иночѧдыи, ѥдиночѧдыи и единородныи, пропѧтъ и распятъ, кънигы и писаниѥ и т. д. также можно прослѣдить по соотвѣтственнымъ редакціямъ евангельскаго и апостольскаго текста.

Изъ представленнаго разбора содержанія труда г. Гезена можно видѣть, что небольшой по объему трудъ этотъ (всего 128 стран.) предлагаетъ весьма много данныхъ для основательнаго ознакомленія съ избраннымъ предметомъ. Предметъ же изслѣдованія г. Гезена совсѣмъ почти не былъ до него затронутъ наукою. Трудъ автора самостоятельный, обработанный на основаніи первоисточниковъ — со всею тщательностію, съ выдающеюся филологическою опытностію и съ явною любовію къ этому дѣлу, требовавшему многочисленныхъ справокъ въ старинныхъ памятникахъ, разсѣянныхъ по разнымъ библіотекамъ и кропотливаго разбора многихъ мелкихъ, но между тѣмъ важныхъ подробностей. Изслѣдованіе г. Гезена составляетъ несомнѣнно весьма полезное изданіе какъ вообще для славянской филологіи, такъ въ частности для изученія постепеннаго развитія христіанской терминологіи въ славяно-русскомъ языкѣ и для справокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается словъ и выраженій символа вѣры, напр. при опроверженіи неправыхъ сужденій нашихъ раскольниковъ о словахъ символа: нѣсть конца (вм. не будетъ), истиннаго (вм. Господа) и т. д. Трудъ г. Гезена составляетъ несомнѣнный вкладъ и въ духовную или богословскую литературу, такъ какъ авторъ изслѣдовалъ такой важный для нашихъ богослововъ вопросъ, какъ вопросъ о переводахъ символа вѣры. Изслѣдованіе г. Гезена вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. Многостороннее изученіе славянскаго перевода символовъ вѣры достаточно обезпечиваетъ его отчетливую оцѣнку и сообщаетъ выводамъ автора твердость и устойчивость. Разграниченіе редакцій опирается на рядѣ данныхъ, повторяющихся въ однородныхъ спискахъ и придающихъ каждой группѣ своеобразный отпечатокъ. Какъ представляющее несомнѣнныя и выдающіяся достоинства, разсмотрѣнное сочиненіе г. Гезена, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ Уваровской награды.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Январь 1886 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)